

Брысина Татьяна Николаевна

ВЗГЛЯД НА УПОТРЕБЛЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЁННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Рассматривается специфика использования неопределённо-личных предложений в художественных текстах. Исследуется взаимное влияние текста и предложения на примере неопределённо-личных предложений, различных по грамматической структуре. В качестве объекта исследования берутся фрагменты текстов, относящиеся к повествованию, и в составе которых используются неопределённо-личные предложения. Материалом исследования послужила выборка фрагментов из художественных текстов XIX-XX вв., а также из произведений современных авторов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/2-2/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 2. С. 61-64. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Антышев А. Н.** Имена. Немецкие антропонимы. Уфа: Изд-во Башкирск. гос. аграр. ун-та, 2001. 239 с.
2. **Антышев А. Н.** Этноязычность как категория номинации // *Germanica. Slavica. Turcica*: сб. науч. ст. К 60-летию Р. З. Мурясова. Уфа: Изд-во Башкирск. гос. аграр. ун-та, 2000. С. 73-81.
3. **Бондалетов В. Д.** Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
4. **Брагина Н. Г.** Имена лиц в общественной культурно-языковой памяти // *Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст*: тезисы междунар. науч. конф.: в 2-х ч. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. Ч. 1. С. 12-15.
5. **Горбаневский М. В., Максимов В. О.** О некоторых противоречиях в трактовке национально-культурной принадлежности антропонимов и топонимов // *Ономастика Поволжья: материалы X Междунар. конф. (г. Уфа, 12-14 сентября 2006 г.)* / отв. ред. Е. А. Яковлева. Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. С. 37-44.
6. **Ермолович Д. И.** Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. 200 с.
7. **Жукова Т. Е.** Этнолингвистические факторы в названиях топонимов и гидронимов в архангельских говорах // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. 3. С. 88-92.
8. **Журавлёв А. Ф.** К статистике русских фамилий. I // *Вопросы ономастики*. 2005. № 2. С. 126-146.
9. **Никонов В. А.** Словарь русских фамилий / сост. Е. Л. Крушельницкий. М.: Школа-Пресс, 1993. 224 с.
10. **Пак С. М.** Ономастикон как объект филологического исследования: на материале американского дискурса XIX-XX вв.: дисс. ... д. филол. н. М., 2005. 366 с.
11. **Потапова С. Ю.** Неофициальные именованя лица в современном немецком языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2004. 58 с.
12. **Русская ономастика и ономастика России. Словарь** / под ред. О. Н. Трубочёва. М.: Школа-Пресс, 1994. 288 с.
13. **Сапожникова Л. М.** Национально-культурный компонент в семантической структуре монореферентных собственных имён (на материале немецкого языка) // *Вопросы ономастики*. 2015. № 1 (18). С. 175-185.
14. **Семёнова Т. Н.** Семантика индивидуализации и её отражение в тексте: дисс. ... д. филол. н. М., 2001. 345 с.
15. **Суперанская А. В., Суслова А. В.** Современные русские фамилии. М.: Наука, 1981. 176 с.
16. **Унбгаун Б. О.** Русские фамилии / пер. с англ.; общ. ред. и послесл. Б. А. Успенского. М.: Прогресс: Универс, 1995. 446 с.
17. **Уфимцева Н. В.** Культура и проблема заимствования // *Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте)*: сб. ст. / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения. Науч. совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 2002. С. 152-170.
18. **Хенгст К.** Типология адаптации славянских имён собственных неславянским языком (на материале древнелужицкой топонимии в немецком языке) // *Перспективы развития славянской ономастики*. М.: Наука, 1980. С. 151-157.
19. **Bahlow H.** Deutsches Namenlexikon. Baden-Baden: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 1985. 601 S.

ETHNO-LINGUISTIC IN THE ONOMASTIC NAMING

Belyaev Andrei Nikolaevich, Ph. D. in Philology
Bashkir State Agrarian University
anbelajew@mail.ru

The paper touches on a particular case of interaction between language, culture and ethnos, such as the problem of national affiliation of a proper name. By the material of anthroponyms (basically surnames) and toponyms the author examines linguistic and extra-linguistic factors conditioning the affiliation of onym to a certain linguistic field. The researcher believes that the onymic sign is characterized by the category of ethno-linguism as one of the fundamental onomasiological categories of linguistic naming.

Key words and phrases: proper names; component of national culture; national affiliation; naming; ethno-linguism.

УДК 811.161.1'367

Рассматривается специфика использования неопределённо-личных предложений в художественных текстах. Исследуется взаимное влияние текста и предложения на примере неопределённо-личных предложений, различных по грамматической структуре. В качестве объекта исследования берутся фрагменты текстов, относящиеся к повествованию, и в составе которых используются неопределённо-личные предложения. Материалом исследования послужила выборка фрагментов из художественных текстов XIX-XX вв., а также из произведений современных авторов.

Ключевые слова и фразы: повествование; односоставное предложение; неопределённо-личное предложение; однословное предложение.

Брысина Татьяна Николаевна
Московский государственный областной университет
tania.brygina@mail.ru

ВЗГЛЯД НА УПОТРЕБЛЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЁННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Многообразие взглядов на односоставные предложения требует дополнительного изучения языкового материала [2]. Системный подход к изучению односоставных предложений предполагает рассматривать их в составе текста как синтаксической единицы более высокого уровня [4].

К насущным проблемам современной лингвистики учёные относят «определение качественного своеобразия функционирования языковых единиц различных уровней под влиянием текста в результате их интеграции текстом», а также «изучение единиц, составляющих текст» [10, с. 58].

Цель статьи – выявить особенности взаимосвязи односоставных предложений и текста, показать, как употребляются односоставные предложения в различных типах текста, и какое влияние оказывает текст на их семантику. В качестве объекта исследования мы выбрали неопределённо-личные предложения. Они служат для выражения действия, субъект которого намеренно не определён автором. Предикативная основа их представлена одним главным членом, который выражен формой 3-го лица множественного числа. А. А. Шахматов, выделив этот тип предложения, видел в них в качестве основного признака отвлечённость деятеля от действия, поэтому относил к ним предложения с признаками обобщения и неопределённости. Особо он отмечал, что «ещё неопределённые образы, вызываемые представлением о группе лиц: даже видимые и доступные наблюдению, такие группы не оставляют расчленённого, индивидуализированного впечатления. На этом основывается то, что наиболее обычны те неопределённо-личные предложения, которые вызывают представление о 3-м лице множ. ч.» [12, с. 57].

Указание на действующее лицо в неопределённо-личных предложениях не важно, наблюдается отвлечённость деятеля от действия, поэтому деятель может сближаться с 1-м, 2-м или с 3-м лицом. Субъект действия может быть назван в обстоятельствах-детерминантах. Как отмечает П. А. Лекант, второстепенные члены подчёркивают «грамматическое значение неопределённости деятеля или лица» [5, с. 46].

Задача нашей статьи заключается в выявлении особенностей взаимного влияния единиц текста как элементов семиотической системы. Каким образом неопределённо-личные предложения в составе текста получают новое семантическое наполнение и в свою очередь сами влияют на семантику текста, то есть приобретают двоякую сущность в процессе актуализации?

В данной статье рассматривается употребление неопределённо-личных предложений в художественных текстах. Для исследования в художественных текстах методом выборки последовательно выделяются фрагменты, содержащие неопределённо-личные предложения. За основу принимаем взгляды П. А. Леканта на классификацию односоставных предложений [Там же].

Если рассматривать структурные схемы односоставных предложений с позиции номинативного минимума, то в них, в отличие от концепции Грамматики-80, структурная схема предложения включает более двух компонентов. В состав структурной схемы вводят не только главные члены предложения, но и обязательные второстепенные члены [8, с. 422].

Парадигма неопределённо-личного предложения в свете такого подхода может быть представлена совокупностью однокомпонентных и многокомпонентных (двух, трёх и т.д.) форм 3-го лица множественного числа настоящего, прошедшего и будущего времени.

При выборе фрагментов текста руководствуемся положениями, изложенными в монографии Н. С. Валгиной [1]. В качестве фрагмента текста рассматриваем абзац как композиционную единицу членения, показывающую содержательный разрыв текста. Далее фрагменты анализируем по функционально-смысловым признакам. Основным признаком, который помогает различить тип текста, Н. С. Валгина считает «характер речематических компонентов высказывания» [Там же, с. 48]. Ее точку зрения поддерживает ряд других исследователей.

В отобранных фрагментах проводим содержательный контекстный анализ неопределённо-личных предложений. Анализ нашего материала показывает, что неопределённо-личные предложения используются для структурно-смыслового членения текста, их семантика связана с функционально-смысловым типом речи. Выбор грамматической формы глагола в неопределённо-личных предложениях зависит от цели автора. Исследование проведено на материале текстов художественных произведений различных авторов XIX–XXI вв.

Коммуникативная задача высказываний в форме многокомпонентных неопределённо-личных предложений заключается в сообщении новой информации. Данные конструкции широко употребляются в текстах повествованиях. Каждое предложение в таких текстах несёт новое сообщение, показывает последовательность действий. Неопределённо-личные предложения используются в начале или в конце повествования, т.е. влияют на структуру текста, либо их использование связано с указанием на конкретное действие: *«Беспокойную таксу давно закопали во дворе и положили на её могилу кирпич. Анфису после выздоровления приняли в единственный оставшийся на время блокады в Ленинграде театр. Играли на ледяной сцене. Зрители сидели в тупулах и ватниках и аплодировали, не снимая варежек»* [6]. В приведенном фрагменте речематические компоненты выражены в форме главных членов неопределённо-личных предложений, динамику событий последовательно отражают компоненты: *закопали, положили, приняли* со значением совершённого действия и *играли* со значением неоднократно совершавшегося действия. Кроме грамматической основы, в предложениях есть второстепенные члены (компоненты): морфологизованные косвенные и прямые дополнения, выраженные именем существительным (обязательный распространитель грамматической основы) и морфологизованные определения, выраженные прилагательными, согласованными с обязательными распространителями.

Таким образом, неопределённо-личные предложения по структуре многокомпонентные, благодаря этому конечный смысл предложений-высказываний близок с их основной мыслью, которая дополнительно актуализируется через контекст, так как каждый компонент участвует в актуализации значения. Введение каждого нового компонента уменьшает энтропию сообщения как показателя коммуникативности [3].

В результате интеграции текстом неопределённо-личных предложений как единиц языка, их грамматической формы и применяемых автором стилистических приемов в этих предложениях могут происходить существенные изменения. Влияние контекста приводит к тому, что неопределённо-личные предложения как единицы языка могут выступать во вторичной номинативной функции.

Несмотря на представление деятеля как неопределённого, употребление формы глагола в прошедшем времени, а также местоимения *мне, меня* позволяет говорящему косвенно указать на субъект, на который направлено действие: «*В торговых рядах, когда я проходил мимо железной лавки, меня, как бы нечаянно, обливали водой и раз даже швырнули в меня палкой*» [11].

Использование разных временных форм главного члена неопределённо-личных предложений в повествовании связано с динамизмом текста, автор стремится к обобщению явления в пределах одного фрагмента: «*То, что я пережил, не прошло даром. Мои большие несчастья, мое терпение тронули сердца обывателей, и теперь меня уже не зовут маленькой пользой, не смеются надо мною, и, когда я прохожу торговыми рядами, меня уже не обливают водой. К тому, что я стал рабочим, уже привыкли и не видят ничего странного в том, что я, дворянин, ношу вёдра с краской и вставляю стёкла; напротив, мне охотно дают заказы <...> Со мною вежливы, говорят мне вы, и в домах, где я работаю, меня угощают чаем и присылают спросить, не хочу ли я обедать*» [Там же]; «*И Настёну не пустил – не дурак ли? Знать бы заранее, вызвал бы её к этому сроку, повидал – всё легче. Она бы и проводила, а когда провозжат – надежней: что-то в человеческой судьбе имеет глаза, которые запоминают при отъездах, – есть к кому возвращаться или нет. Всё, как на вред, не туда поехало. Если и дальше так пойдёт, не жить ему на свете. Уложат в первом же бою*» [7].

Семантика неопределённости субъекта подчёркивается в неопределённо-личных предложениях, поскольку детерминант не конкретизирует субъект: «*В деревне новичков встречают неприветливо, почти враждебно, как в школе. Так встретили и нас. В первое время на нас смотрели, как на людей глупых и простоватых, которые купили себе имение только потому, что некуда девать денег. Над нами смеялись*» [11]. Структурные отношения между элементами создают дополнительные значения самих элементов: «*Гуськов вспомнил показательный расстрел, который ему довелось видеть весной сорок второго года, когда он только что пришёл в разведку. На большой, как поле, поляне выстроили полк и вывели двоих: одного – самострела с поднятой рукой, уже пожившего, лет сорока, мужика, и второго – совсем ещё мальчишку. Этот тоже захотел сбегать домой, в свою деревню, до которой было, рассказывали, вёрст пятьдесят. Всего пятьдесят вёрст. А он вон откуда метнулся. Нет, не простят, даже штрафбатом не отделаться. Он не мальчишка, должен был понимать, на что идёт*» [7].

Цепочка однословных (однокомпонентных) неопределённо-личных предложений придаёт повествованию резкость, напряжённость действия. Для рассказчика не важно, кто совершает действие, главное – передать последовательность событий: «*До своего выхода, по крайней мере часа полтора, пока на сцене ходили, читали, пили чай, спорили, она не отходила от меня и всё время бормотала свою роль...*» [11].

С другой стороны, в контексте однословные (однокомпонентные) структуры приобретают статус предложения. Они как самостоятельные единицы характеризуются только значением в составе текста (через контекст), выполняя определённую роль (функцию). Они приобретают смысл, из которого вытекает содержание, некоторое объёмное понятие, свойственное тексту. С их помощью текст организуется событийным временем, которое выстраивает автор и в котором соседствующие предикаты связного текста вступают в отношения одновременности, параллельности, предшествования, следования. Создание структуры текста как сложного единства способствует возникновению у составляющих его элементов различных уровней, значений, не закреплённых за ними в системе языка. Эти значения возникают вместе с порождением данного текста [9].

На примерах художественных текстов показано, что главный признак повествования – динамичность, активность формы главного члена неопределённо-личных предложений. Поэтому они часто выражены глаголами мгновенного действия, совершенного вида. Полнозначность и полновесность повествования выражена неопределённо-личными предложениями с многокомпонентными структурными формами. А неопределённо-личные предложения, в свою очередь, реализуют в тексте смысловой потенциал, заложенный в контексте. Главная их особенность – назвать действие-отношение, воспроизводимое неопределённым субъектом.

Список литературы

1. Валгина Н. С. Теория текста: учеб. пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.
2. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 240 с.
3. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 281 с.
4. Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка: учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 398 с.
5. Лекант П. А. Категории рационального и эмоционального в русском языке и русской речи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 5. С. 44-48.
6. Паустовский К. Г. Повесть о лесах [Электронный ресурс]. URL: <http://paustovskiy.niv.ru/paustovskiy/text/povest-olesah/lesa.htm> (дата обращения: 17.10.2015).
7. Распутин В. Г. Живи и помни [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/PROZA/RASPUTIN/rasputin_zhivi.txt (дата обращения: 26.07.2015).
8. Современный русский язык: Курс лекций / авт.-сост.: И. В. Евсева, Т. А. Лузгина, И. А. Славкина, Ф. В. Степанова; под ред. И. А. Славкиной. Красноярск: Изд-во Сибир. федер. ун-та, 2007. 642 с.
9. Тураева З. Я. Лингвистика текста: Текст: структура и семантика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». М.: Просвещение, 1986. 127 с.
10. Филиппов К. А. Лингвистика текста: Курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 336 с.
11. Чехов А. П. Моя жизнь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/LITRA/CHENOW/mylife.txt> (дата обращения: 15.01.2015).
12. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / вступ. ст. д. филол. н., проф. Е. В. Клобукова; редакция и коммент. проф. Е. С. Истриной. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

THE VIEW ON THE USAGE OF INDEFINITE-PERSONAL SENTENCES IN THE LITERARY TEXTS

Brysina Tat'yana Nikolaevna
Moscow State Regional University
tania.brysina@mail.ru

The specificity of using indefinite-personal sentences in literary texts is examined. The mutual influence of a text and a sentence by the example of indefinite-personal sentences, different in grammatical structure, is studied. As a research object the fragments of texts, referring to the narration, are taken and in the structure of which indefinite-personal sentences are used. The sample of fragments from the literary texts of the XIX-XX centuries and also from the works of the contemporary writers has served as a research material.

Key words and phrases: narration; mononuclear sentence; indefinite-personal sentence; one word sentence.

УДК 80:821.161.1

В статье обсуждаются принципы определения коммуникативной категории, в частности категории официальности. Коммуникативная категория официальности рассматривается как дискурсивная категория, которая актуализируется в коммуникативных ситуациях с определёнными значениями релевантных признаков. Используется понятие конструктивно-стилевого вектора как механизма актуализации коммуникативной категории в конкретном тексте. Сопоставляются понятия коммуникативной категории и функционального стиля.

Ключевые слова и фразы: категория официальности; коммуникативная категория; конструктивно-стилевой вектор; коммуникативная ситуация; конвенции.

Буторина Елена Петровна, к. филол. н., доцент
Российский государственный гуманитарный университет
ep_butorina@il-rggu.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ ОФИЦИАЛЬНОСТИ

Понятие коммуникативной категории опирается на понятия речевого акта, коммуникативного акта, коммуникативной ситуации, а понятие о коммуникативной категории официальности связано с понятием конвенции. Представления о речевом действии и речевом акте изначально сложились при изучении коммуникации в правовой сфере. «Первоначально в качестве основного объекта рассмотрения в теории речевых актов выступали речевые действия, относящиеся к юридической сфере, то есть регулируемые правовыми нормами. <...> Акцент на “юридических” речевых актах, несомненно, отразился на понимании речевого действия как действия, совершаемого согласно определённым языковым установлениям, или конвенциям» [3, с. 11]. П. Стронсон считает конвенциональными не все речевые акты, а лишь те, которые упорядочиваются неязыковыми социальными конвенциями [8, с. 132-136]. «К какой бы сфере деятельности ни относился конвенциональный речевой акт, он сохраняет своё отличие от акта неконвенционального: для его совершения достаточно действовать в строгом соответствии с установленной процедурой, и результат, на который нацелено данное действие, будет достигнут» [3, с. 17].

Дж. Сёрль указывает на такой важный фактор формирования актуального смысла высказывания как отношение речевого акта к предшествующему дискурсу [6, с. 172-177], т.е. рассматривает отдельный речевой акт в более широком контексте речевой коммуникации. Если помимо собственно языковых средств, используемых в речи при осуществлении коммуникации, принимать во внимание и другие коммуникативные средства, то можно говорить о коммуникативном акте, т.е. способе достижения адресатом определённой цели при помощи коммуникативных (в общем случае не только языковых) средств.

В лингвистике для анализа механизмов функционирования языковой системы в процессе речевой коммуникации традиционно используется модель Р. О. Jakobsona, восходящая к идеям К. Шеннона, предполагающим понимание коммуникации не только как собственно речевого взаимодействия. Помимо языкового кода и сообщения она включает адресанта и адресата закодированного сообщения, которое передаётся при контакте от одного участника коммуникации другому и понимается ими в широком прагматическом контексте [9]. Модель Р. О. Jakobsona может быть рассмотрена как модель коммуникативного акта с учётом условий его осуществления, т.е. коммуникативной ситуации.

Подход к анализу речевого поведения участников коммуникации с позиций дискурса позволяет увидеть, что для избегания коммуникативных неудач люди склонны типизировать своё представление о коммуникативных ситуациях, ориентируясь в своём речевом поведении на наиболее подходящие из уже сложившихся жанров и тексты-образцы [2, с. 24], что служит основой коммуникативной компетенции участников взаимодействия. Коммуникативная ситуация, рассматриваемая с позиций её участников, может определяться как «модель релевантных условий коммуникативной деятельности участника общения в данном коммуникативном событии, совокупность абстрактных категориальных признаков последнего, позволяющих коммуниканту